

Марк Блауг

НЕСЛОЖНЫЙ УРОК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

*Mark Blaug. Economic Methodology in One Easy Lesson.
In: M. Blaug. Economic History and the History of Economics.
Brighton: Wheatsheaf Books, 1986, ch.14, p.265–279.*

© Mark Blaug, 1986

Перевод С.А.Афонцева

Кто-то однажды сказал: "Методология подобна медицине. Мы терпим ее, поскольку считается, что она служит нашему благу, но втайне мы ее презираем". Однако, презирая методологию, любой экономист тем не менее имеет надежное домашнее средство от каждого теоретического недуга; к сожалению, экономисты редко объясняют себе и другим причины своей уверенности в действенности этих лекарств. Цель изучения экономической методологии заключается как раз в том, чтобы выявить правила и положения, которые мы постоянно используем для защиты собственных теорий и критики теорий оппонентов. Говоря вкратце, когда я употребляю термин "экономическая методология", я веду речь не о методах и технике экономических исследований, а о методологии в непосредственном смысле слова: об изучении принципов, регулярно применяемых при формулировке и обосновании экономических теорий.

Методология, как я уже сказал, не очень почитается современными экономистами, которые, по образному выражению Фрица Махлупа, страдают "методофобией". Печальным следствием этой широко распространенной "методофобии" стали посредственные методологические навыки большинства экономистов. Задача настоящей работы состоит не в обращении "методофобии" в "методофилию", а лишь в демонстрации того факта, что фундаментальные методологические принципы могут быть легко усвоены и, усвоив их, мы неизбежно повышаем нашу способность оценивать и сравнивать конкурирующие экономические теории.

1. НЕКОТОРЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Осознаем мы это или нет, все мы сталкивались с классическими примерами некоторых хорошо известных методологических концепций. Несомненно, каждый современный экономист на определенном этапе своей карьеры читал и перечитывал знаменитую работу Милтона Фридмена "Методология позитивной экономической науки" (Фридмен, 1994). В ней Фридмен высказывается в пользу инструменталистской методологии, в соответствии с которой научные теории являются лишь инструментами для прогнозирования природных и общественных явлений и все попытки считать эти теории чем-то большим – к примеру, сколь-нибудь достоверным объяснением причинно-следственных связей, – могут быть отвергнуты как наивные. Его точка зрения заключается в отрицании необходимости основывать экономические построения на так называемых "реалистических" предпосылках; он доказывает, что предположения типа "как будто" (as if) достаточны для дости-

жения всех наших целей, тем самым обнаруживая несколько старомодный характер своих методологических рецептов. Инструментализм представляет собой выродившуюся форму конвенционалистской методологии, которую почти шестьдесятю годами ранее отстаивали такие философы науки, как Эрнст Мах и Анри Пуанкаре, утверждавшие, что научные теории суть не пассивные отражения событий, которые происходят вне нас, а свободные творения разума, резюмирующие происходящее наиболее приемлемым образом.

Возражая Фридмену, Пол Самуэльсон также возвращается к конвенционализму XIX столетия. Он отвергает "Ф-уклон", как сам он называет позицию Фридмена, согласно которой недостаток реализма в предпосылках экономических теорий не сказывается на верности последних, но затем портит дело, выбирая методологию дескриптивизма, ведь "дескриптивизм" – это лишь другое название конвенционализма. Научные объяснения, по Самуэльсону, представляют собой всего лишь хорошие описания, а описания, правильно предсказывающие широкий круг наблюдаемых явлений, это и есть то, что мы называем "объяснениями", и никаких других объяснений вообще не существует. Таким образом, в конечном счете и Фридмен, и Самуэльсон принадлежат к одному и тому же методологическому лагерю, а имеющиеся между ними разногласия сводятся не более чем к спору о дефинициях.

Примечательной особенностью инструментализма, дескриптивизма и конвенционализма в целом является оборонительный характер. Делая акцент, быть может чрезмерный, на точности прогнозов, конвенционализм тем самым признает, что теории могут представлять собой негодные инструменты, неточные описания и неуклюжие конвенции; другими словами, он признает возможность опровержения теорий. Во всех прочих отношениях он стремится защитить теории от тех, кто требует от них каузального механизма того или иного рода, связывающего действия индивидов и функционирование социальных институтов с результатами, предсказанными теориями. Часто мы не отдаем себе отчета в том, насколько радикально такой конвенционализм отличается от представлений, которые еще недавно считались обязательным элементом любого серьезного теоретизирования в социальных науках. Я имею в виду доктрину *Verstehen*, которая была присуща всем методологическим произведениям австрийской школы, а в более близкое к нам время нашедшую отражение в другом методологическом труде, который читал практически каждый экономист – в "Эссе о природе и значении экономической науки" Лайонела Роббинса (Robbins, 1932, см. также Роббинс, 1993).

В соответствии с доктриной *Verstehen* теории социальных наук, в противоположность теориям наук естественных, при изучении поведения индивида должны принимать во внимание субъективные мотивы, понять которые можно лишь с точки зрения собственной интуиции и воображения исследователя. Теории, удовлетворяющие данному условию, а priori истинны, хотя, разумеется, в ряде случаев не могут быть успешно применены из-за наличия возмущающих воздействий, лежащих за пределами предмета данной теории. Но те концепции социальных наук, которые не согласуются с указанным условием, по определению должны быть признаны лишены смысла.

У доктрины *Verstehen* ныне немного приверженцев. На свойственном ей методологическом дуализме (одна методология для социальных наук, и совершенно другая – для естественных) продолжают настаивать последователи Людвига фон Мизеса, склонные называть себя "неоавстрийцами". Фриц Махлуп в своих многочисленных работах по методологии (см. Machlup, 1978) также напоминает нам о важной роли интроспекции в оценке мотивов, приписываемых индивидам нашими теориями. Но даже он делает это *sotto voce* (вполголоса (лат.). – *Прим. пер.*) и в последнее время признает, что его методологическая позиция с наибольшим основанием может быть названа конвенционалистской. Если не считать немногих ревностных сторонников, доктрина *Verstehen* почти полностью вытеснена из экономической науки, и большинство современных экономистов, как правило, не знакомы с ее содержанием и даже с самим ее названием.

Доминирующей методологической доктриной в настоящее время является конвенционализм в одной или нескольких своих разновидностях, целью которого, как я говорил выше, является отпор институционалистским требованиям большего реализма в формулировке теорий. Весьма курьезно, что некоторые из сторонников методологической позиции, которую я называю "оборонительной", нацеленной на защиту ортодоксальной науки от ее критиков, еще вчера выступали за "агрессивную" методологию, которая грозила лишить ортодоксальную науку наиболее значительных ее достижений. Всякий, кто читал книгу "Основы экономического анализа" П. Самуэльсона (Samuelson, 1948), поведавшую всем нам о фундаментальном различии между "количественным исчислением" и "качественным исчислением", помнит, что одна из главных ее целей заключается в формулировке "операционально содержательных теорем" экономической науки, т.е. касающихся экономической реальности гипотез, которые в принципе могут быть опровергнуты эмпирическими наблюдениями. В экономической науке редко удается определить *величину* изменений эндогенных переменных, вызванных изменениями одного или нескольких экзогенных параметров (другими словами, редко можно осуществить "количественное исчисление"). Вместе с тем мы можем настаивать, утверждал Самуэльсон, что реально определить как минимум алгебраический знак такого изменения, – в этом состоит "качественное исчисление". Применяя критерий "качественного исчисления" к ряду базовых положений общепринятой теории, Самуэльсон пришел к выводу о недостаточной эмпирической обоснованности современной теории потребительского поведения. В равной мере скептически он оценивал и основные постулаты "новой теории благосостояния", которая старалась вынести многозначительные суждения о благосостоянии, не прибегая к сравнению индивидуальных функций полезности.

Мы должны отметить, прежде всего, что выдвигавшиеся Самуэльсоном в "Основах..." методологические взгляды не имеют ничего общего с операционализмом. Операционализм, связанный с именем физика Перси Бриджмена, в основном касается построения определенных "правил соответствия" для установления связи между абстрактными теоретическими концепциями и попытками физического измерения относящихся к рассматриваемой проблеме величин. Определение "операционально

содержательных теорем" у Самуэльсона равнозначно скорее попперовской методологии фальсификационизма (см. Поппер, 1983), изложенной на языке австрийской школы. Как бы то ни было, суть дела заключается в том, что первоначальный "операционализм" Самуэльсона решительно отвергает некоторые экономические теории как необоснованные, в то время как его позднейший дескриптивизм всего лишь признает методологическую уязвимость всей ортодоксальной экономической теории. Возможно, здесь сказывается фактор времени: "Основы..." написаны молодым ученым, – хотя их публикация относится к 1948 г., закончена эта работа была в 1939 г., – тогда как дескриптивистские утверждения вышли из-под пера Самуэльсона в 1965 г.

Введением попперовского принципа фальсификационизма в экономическую дискуссию мы обязаны, однако, не Самуэльсону. Эта честь принадлежит Теренсу Хатчисону и его работе "Значение и основные постулаты экономической теории" (Hutchison, 1938). Главным объектом критики Хатчисона служит априоризм в стиле Мизеса и Роббинса, включающий в себя одну из версий доктрины *Verstehen*, т.е. методологическую позицию, согласно которой экономическая наука по существу является системой дедуктивных заключений из ряда постулатов, установленных путем интроспекции и не доступных эмпирической верификации. К сожалению, в своей атаке на *априоризм* Хатчисон переусердствовал. Он так или иначе подразумевает, что большая часть экономической теории состоит из "аналитических" тавтологий, тогда как она состояла, и в известной мере состоит до сих пор, из "синтетических" утверждений, не поддающихся эмпирической проверке. К примеру, Хатчисон отклоняет как тавтологические гипотезы, сопровождаемые неспецифицированными условиями *ceteris paribus*, хотя они в действительности являются недоступными проверке утверждениями о реальности.

Казалось бы малозначительное различие между тавтологиями и недоказуемыми утверждениями о реальности является существенным для методологических рецептов Хатчисона. Главный его тезис гласит, что экономические исследования должны быть ограничены эмпирически проверяемыми положениями. Тем не менее из-за смешения недоступных проверке "синтетических" утверждений с "аналитическими" неясно, относит ли он требование верифицируемости к предпосылкам или к предсказаниям экономической теории. В целом он, похоже, придает особое значение проверке постулатов или, как мы называем их сейчас, "предпосылок" экономической теории и в ряде случаев предлагает исследовательскую программу, которая начинается и заканчивается фактами. Хотя Хатчисон и не согласен с обвинениями в "ультра-эмпиризме", тем не менее основная часть его книги указывает скорее на предпосылки, а не предсказания как на источник слабости современной экономической науки. Тем самым он, по-видимому, требует переориентации экономической науки, которая буквально перечеркнула бы все ее достижения со времен Адама Смита. Методологические рецепты, которые являются (или кажутся) столь нигилистичными, всегда будут встречать оппозицию со стороны экономистов, как это и было с рекомендациями Хатчисона. Книга его была предана забвению, но, несмотря на это, наряду с "Основами..." Самуэльсона она прочно укоренила попперизм в экономической методологии.

Попперизм вновь появляется – без ссылок на книги вышеупомянутых авторов – у Фридмана и с таковыми – у Махлупа, а также – в крайней своей форме – у Андреаса Папандреу в работе "Экономическая теория как наука" (Papandreu, 1958). Папандреу оперирует фундаментальным различием между "моделями" и "теориями". "Модели", по его мнению, не могут быть опровергнуты, т.к. "социальное пространство" их действия не является адекватно специфицированным. Даже "базисные теории" должны быть дополнены вспомогательными предположениями, чтобы стать "расширенными теориями", которые уже могут быть признаны ложными. Его критические выпады против существующей практики экономической науки сводятся к тому, что экономисты редко создают "расширенные теории" и вместо этого ограничиваются "моделями" и "базисными теориями", которые представляют собой практические неопровержимые системы объяснений, сформулированные *ex post*. Папандреу не приводит примеров и, кажется, сводит "расширенные теории" к количественным теоремам из области сравнительной статики, таким образом игнорируя гораздо более широкий класс качественных суждений. Однако нелегко точно определить, что он имеет в виду, ибо вся его аргументация погребена под горами нового инструментария экономической науки, который скорее скрывает, чем делает ясным ее значение. Остается фактом, однако, что критерием приемлемости теории является у него "эмпирическая содержательность", и в этом отношении Папандреу может быть отнесен к защитникам попперовской методологии фальсификационизма.

Все выше сказанное приводит нас к популярному учебнику Ричарда Липси "Введение в позитивную экономическую теорию" (Lipsey, 1975), впервые опубликованному в 1963 г. В его вводных главах, посвященных научному методу, содержится по сути дела открытое признание фальсификационизма. До настоящего времени эта книга остается выдающимся элементарным курсом экономической теории, пронизанным духом Поппера, где повсеместно подчеркивается необходимость оценивать конкурирующие экономические теории исходя из имеющихся эмпирических данных. "Наивный фальсификационизм" первого издания в последующих изданиях уступил место "изоциренному фальсификационизму", который гораздо ближе к духу и даже к стилю самого Поппера: экономические теории могут быть признаны некорректными не после единичной и имеющей решающее значение проверки, а только после целой серии эмпирических тестов, но даже и этот результат должен быть взвешен с учетом альтернативных теорий, старающихся объяснить тот же комплекс явлений.

Здесь мы можем уступить искушению повторить недавно высказанное Хатчисоном мнение, что к настоящему времени, "возможно, большинство экономистов – хотя и не все – согласятся, что усовершенствование прогнозов экономического поведения и событий представляет собой главную и первостепенную задачу экономиста". Но истинность этого утверждения сомнительна. Существует множество доказательств того, что такое большинство, если оно в самом деле большинство, охватывает не более чем 51 процент современных экономистов. Радикальные экономисты, марксисты и неомарксисты, пост- и неокейнсианцы, институционалисты и представители неортодоксальных

направлений всех разновидностей, составляющие в совокупности значительную часть молодого поколения ученых, несомненно, не поддерживают точку зрения, согласно которой судьба экономических теорий в конечном счете должна определяться вытекающими из них прогнозами, а эмпирическая проверка гипотез составляет, так сказать, Мекку современной экономической науки. Даже Бенджамин Уорд в своем критическом реестре "Заблуждения экономической теории" (Ward, 1972) отрицает, что невозможность указать на эмпирически фальсифицируемые следствия теорий является одним из основных пороков экономической науки. Чтобы убедиться, насколько антипопперианская методология в действительности преобладает в некоторых разделах науки, нам стоит лишь упомянуть методологическую работу Мартина Холлиса и Эдварда Нелла "Рациональный экономический человек" (Hollis and Nell, 1975), снабженную выразительным подзаголовком "Философская критика неоклассической экономической теории".

Авторы рассматривают бесовский, по их мнению, альянс между неоклассической экономической наукой и логическим позитивизмом, причем они ухитряются делать это, даже не называя имени Карла Поппера. Философия логического позитивизма, утверждают они, неверна и должна уступить место рационализму, под которым они подразумевают демонстрацию существования кантовских "синтетических" априорных истин, т.е. истинных утверждений о реальности, так или иначе доступных нам до начала исследований. Ярким примером "синтетических" априорных истин они считают факт самовоспроизводства экономических систем; воспроизводимость, следовательно, составляет "сущность" этих систем, которая сама по себе может служить прочной основой для экономических теорий. Авторы полагают, что главный недостаток традиционной теории заключается в отсутствии в неоклассическом подходе объяснения причин периодического самовоспроизводства фирм и домохозяйств. Исходя из этого можно было бы ожидать, что здоровой экономической теорией будет признана теория роста, имеющая дело главным образом с бесконечно воспроизводимыми, неизменными характеристиками устойчивого экономического роста. Но нет, единственной учитывающей факт воспроизводства альтернативой неоклассической экономической теории Холлис и Нелл считают "классическо-марксистскую экономическую теорию", имея в виду неорикардрианское направление, опирающееся главным образом на работы Пьеро Сраффы, а не Карла Маркса.

Любое упоминание о "сущности" (essence) экономических систем заставляет нас насторожиться. Согласно Аристотелю, "сущностью" вещи является нечто, делающее ее тем, что она есть, и нет сомнений, что любая попытка дать определение чему-либо реально существующему предполагает попытку выявить его сущность. Таким образом, "эссенциализм" с полным основанием может считаться логической составляющей таксономии. Но представление, что рационализм или "эссенциализм" может также снабдить нас философской основой теоретизирования в социальных науках, является бесспорно ложным. В самом деле, каким образом мы намерены определять, что есть сущность экономических явлений, которая должна быть описана в рамках теоретических построений, если мы отказываемся при-

нять какой бы то ни было эмпирический критерий для обоснования наших теорий? Даже Холлис и Нелл вынуждены признать в заключительной главе своей книги, что иногда экономические системы оказываются неспособными к самовоспроизводству, как, например, капиталистическая экономика во время циклических кризисов. Быть может, было бы лучше базировать наши теории всецело на концепции простого воспроизводства? Какова бы ни была наша точка зрения по этому вопросу, в настоящее время я сомневаюсь, что ответ на него должен состоять в полном отказе от позитивистского наследия в пользу пахнущего нафталином аристотелевского метода осмысления научных проблем. Представляется очевидным, в любом случае, что сущностный подход к экономической науке не оставляет места для какого-либо количественного анализа. Книга Холлиса и Нелла попросту отвергает все достижения методологической мысли, достигнутые в послевоенный период благодаря доктрине попперизма. Можно с высокой степенью уверенности сказать, что, если бы авторы предварительно ознакомились с сокрушительной критикой Поппера в адрес "эссенциалистской" философии, их книга никогда не была бы написана.

К чему же мы приходим в итоге? Достаточно сказать, что из нашего самого общего обзора послевоенной экономической методологии не просматривается ничего похожего на всеобщий консенсус. Но, несмотря на весьма туманную картину, мы можем выявить главенствующую точку зрения. Несмотря на связанные с "Ф-уклоном" затруднения, Фридмену и Махлупу удалось, похоже, убедить большинство своих коллег в том, что непосредственная проверка предпосылок экономических теорий не является необходимой и может ввести в заблуждение; окончательный вердикт по поводу экономических теорий должен выноситься в зависимости от их способности предсказывать явления, для объяснения которых они созданы. В то же время считается, что экономическая наука представляет собой лишь "набор инструментов", а результаты эмпирической проверки могут свидетельствовать не об истинности и ложности конкретных моделей, а об их применимости в определенных ситуациях. Преобладающая методологическая позиция не только тщательно оберегает традиционную экономическую теорию, она также проявляет значительную терпимость в пределах "правил игры": почти любая модель считается годной при условии, что она строго сформулирована, изящно изложена и если есть шансы, что когда-нибудь впоследствии она будет иметь отношение к реальному положению дел. Современные экономисты часто проповедуют фальсификационизм, но, как мы увидим, редко ему следуют: их рабочая философия науки может быть удачно охарактеризована как "выхолощенный фальсификационизм".

2. КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Обвинение в "выхолощенном фальсификационизме" может быть подтверждено только путем изучения статуса некоторых ведущих экономических теорий. Однако даже более тщательное рассмотрение изложенных выше методологических позиций мало что может ска-

зять об особенностях интересующего нас предмета. Что из того, что мы признаем Фридмена инструменталистом, Самуэльсона дескриптивистом, Махлупа конвенционалистом, а Роббинса априористом? В чем состоят недостатки всех этих концепций и каковы те замечательные особенности "фальсификационизма", которые заставляют нас приветствовать его господство в современной методологической мысли, сожалея только, что он более проповедуется, нежели применяется?

Не стоит тратить время на критику априоризма, – в этом нет никакой необходимости. Как все мы знаем, Роббинс считал возможным построить теорию цены чисто дедуктивно на основе немногих фундаментальных постулатов, таких как представление о том, что у индивидов есть последовательная иерархия предпочтений относительно благ, которые они желают купить, или что производственная функция всегда подвержена действию принципа убывающей предельной производительности. Оба этих базовых постулата, утверждает Роббинс, являются априорными "аналитическими" истинами, т.е. логическим итогом наших рассуждений о спросе и предложении, и одновременно "синтетическими" истинами, т.е. элементарными и несомненными эмпирическими фактами. "Мы не нуждаемся в контрольных экспериментах для доказательства их обоснованности, – пишет он, – ибо они столь безусловно подтверждаются ежедневной практикой, что достаточно их изложить, чтобы все признали их очевидными." Забавно, что за 17 лет до появления этих строк Евгений Слуцкий (Слуцкий, 1963 [1915]) фактически доказал, что даже такое фундаментальное положение, как универсальный "закон", согласно которому кривые спроса всегда имеют отрицательный наклон, не может быть основано только на предположении, что индивиды имеют последовательный и транзитивный набор предпочтений. Не менее курьезно, что линейные производственные функции, не учитывающие принцип убывающей предельной производительности, были неотъемлемой частью первых формулировок общей теории равновесия за полвека до этого. Но, если оставить в стороне иронию, суть априоризма Роббинса заключается в доказательстве того, что эмпирические исследования в экономической теории нужны лишь для демонстрации действительной применимости отдельных теорий к конкретным ситуациям; истинность или обоснованность теории гарантируется ее интуитивно очевидными предпосылками и жесткой дедуктивной структурой. Короче говоря, можно показать, что экономические теории в данном случае неприменимы, но они не могут быть эмпирически опровергнуты.

Если и есть какая-то часть книги Роббинса, сохраняющая свое значение и по сей день, то это глава 6, где отрицается возможность сравнения индивидуальных функций полезности*. И вновь интересно отметить, что такое заключение основано на представлении о нашей неспособности проверить касающиеся индивидуальных функций полезности утверждения ни путем интроспекции, ни путем наблюдения. Но если это суждение верно, то оно в той же мере относится к лежащему в основе теории спроса сравнению полезности различных благ отдель-

* Речь идет о главах, посвященных методу экономической науки. О ее предмете и методе см. также главу 1 книги: Роббинс, 1993. – *Прим. ред.*

ным индивидом, как и к лежащему в основе теории благосостояния сравнению полезности благ для разных людей, что противоречит содержанию предшествующих глав книги Роббинса. Другими словами, если мы опираемся на интроспекцию при формулировке теории спроса, мы делаем это, вероятно, исходя из предположения, что психология всех прочих людей примерно идентична нашей? В таком случае, как мы можем отрицать аналогичное предположение при формулировке положений теории благосостояния? Таким образом, сам Роббинс предлагает ключ к пониманию недостатков априористского подхода к теории спроса.

К счастью, в случае с Роббинсом мы располагаем его собственным мнением по поводу своих прежних методологических взглядов. В "Автобиографии экономиста" (Robbins, 1971), написанной почти через 40 лет после "Эссе о природе и значении экономической теории", Роббинс оглядывается на то, как была воспринята его книга научным сообществом. Он остался тверд перед лицом большей части направленной против нее критики, но в ретроспективе он соглашается, что уделял слишком мало внимания проблеме проверки как предпосылок, так и содержания экономической теории. "Глава о природе экономических обобщений, – пишет он, – имеет сильный уклон в сторону методологической концепции, которая сейчас называется эссенциализмом... Она была написана до того, как на научном горизонте возшла звезда Карла Поппера. Если бы я знал в то время о его новаторском изложении научного метода... эта часть книги выглядела бы совершенно иначе."

Выше я говорил, что интерес к априоризму в настоящее время угас. Но методологические концепции, как старые солдаты, никогда не умирают – они лишь постепенно стираются из памяти. В то время как экономическая теория давно отказалась от априоризма, небольшая группа современных австрийских экономистов вернулась к крайнему его варианту, изложенному в книге Людвиг фон Мизеса "Человеческое действие: трактат экономической теории" (Mises, 1949). Радикально-априористские утверждения Мизеса настолько бескомпромиссны, что их надо прочесть, чтобы в это поверить**. Мизес идет гораздо дальше Роббинса в отказе от всего, что напоминает об эконометрике или количественной проверке экономических прогнозов, и категорически отрицает значимость любых положений макроэкономической теории, которые не основаны на анализе целесообразного поведения индивидов. Последователи так называемой неавстрийской школы могут сообщить нам много интересного об изучении конкурентных процессов, отличающихся от характеристик ситуации долгосрочного равновесия, но их методологические идеи представляют собой возврат к прямо-таки неандертальскому эссенциализму вчерашнего дня.

Об априоризме сказано достаточно. С инструментализмом дело обстоит сложнее. Можно привести многочисленные аргументы в подтверждение точки зрения, что все научные объяснения – это не более

** Читатель может сам оценить правоту такой характеристики, прочитав публикуемую в разделе "Ретро" этого номера альманаха главу из книги Мизеса "Высшее основание экономической науки". – *Прим. ред.*

чем успешно действующие автоматы по производству прогнозов, и что все ответы на вопрос "почему?" при внимательном рассмотрении оказываются ответами на вопрос "как?". В конце концов даже небесная механика Ньютона, плод наиболее удачной исследовательской программы в истории науки, не называет исходной причины существования гравитации, и в этом смысле ей действительно не удастся "объяснить" взаимодействие между движущимися небесными телами. Короче говоря, инструментализм предполагает, что все объяснения являются прогнозами, обращенными в прошлое, и аналогично все прогнозы являются объяснениями, экстраполированными в будущее. Представление, согласно которому нет логических оснований для установления границы между объяснениями и прогнозами, по очевидным причинам получило название "Тезис симметрии". Именно он служит ядром инструменталистской, или дескриптивистской, методологии.

Существуют серьезные возражения против Тезиса симметрии, которые, быть может, в социальных науках еще более актуальны, чем в естественных. Первая проблема состоит в том, что история науки содержит множество теорий, которые, по-видимому, успешно объясняют природные явления, однако не дают основы для прогнозов даже в статистическом смысле. Характерным примером тому служит теория эволюции Дарвина, которая, видимо, объясняет, почему какой-либо конкретный вид живых существ смог выдержать борьбу за существование, но не может предсказать, удастся ли ему сделать это в будущем. Поэтому в соответствии с Тезисом симметрии теория Дарвина не может считаться научной, что должно побудить нас как минимум еще раз подумать о правомерности инструменталистского подхода. Вторая проблема заключается в том, что науки, в особенности социальные, изобилуют прикладными правилами, позволяющими делать очень точные прогнозы относительно природных и социальных явлений, хотя мы не имеем никакого понятия, почему эти правила действуют. Никому из экономистов не надо объяснять, что существует огромная разница между экстраполяцией тренда, которая позволяет более или менее точно предсказать величину переменной в последующий период, и регрессионным анализом по методу наименьших квадратов, который нацелен на объяснение изменений зависимой переменной при помощи каузальной теории, связывающей зависимую переменную с независимыми. Эта разница заключается прежде всего в характере наших действий в случае, когда прогнозы оказываются неудачными: если для прогнозирования мы просто экстраполировали тренд, неудачи прогнозов не добавляют нам опыта и знаний; если же мы базировали наши прогнозы на определенной теории о взаимосвязи соответствующих переменных, неточный прогноз заставляет нас совершенствовать теорию. Иначе говоря, прогноз не является просто объяснением, обращенным в будущее, т.к. проще всего делать прогнозы, ничего не объясняя.

И все же лучше делать точные прогнозы, не будучи в состоянии объяснить их точность, чем хранить молчание и ожидать, пока будет найдено верное объяснение. В этом тривиальном замечании и заключается сила инструментализма: это методология научной скромности; она требует от науки немногого и поэтому не может быть отвергнута в рамках этих требований. Действительно ли бизнесмены обладают не-

обходимыми знаниями и информацией для максимизации прибыли в мире динамической неопределенности? Вправе ли мы считать, что потребители имеют "иррациональную страсть к рациональным вычислениям", по выражению Джона Морриса Кларка? Не задавайте подобных вопросов, говорят инструменталисты. Лучше поинтересуйтесь, позволяют ли теории, предполагающие рациональное максимизирующее поведение бизнесменов и потребителей, точно прогнозировать экономические явления. И, разумеется, точность прогнозов служит главным критерием, которому должны удовлетворять все доброкачественные теории.

Но это – не единственный критерий, которому они должны удовлетворять, ибо построенные на теоретическом фундаменте прогнозы трудно оценить без определения сферы действительности и основополагающей структуры соответствующих теорий. Знаменитый философ науки Пьер Дюэм (Duhem) в конце прошлого столетия утверждал, что ни одна научная теория не может быть окончательно опровергнута, ибо любое опровержение затрагивает данную теорию в совокупности с некоторыми дополнительными предположениями, касающимися измерительного инструментария, исходной ситуации, ограничительных условий и т.д.; всякое опровержение может быть отклонено, потому что не выполнялось какое-либо из этих вспомогательных предположений. Если мы хотим оспорить верность вытекающих из теории прогнозов, мы можем сделать это только путем целого ряда экспериментов с учетом множества обстоятельств, и даже в этом случае мы должны согласиться в конечном счете не принимать, по выражению Поппера, "иммунизирующие уловки", которые позволяют бесконечно защищать теорию с помощью исправлений *ad hoc*. Иными словами, когда мы оцениваем прогнозы, основанные на теории, мы должны быть уверены, что мы знаем, как и при каких обстоятельствах эта теория применима. Это значит, что мы должны исследовать и ее предпосылки, а не только следствия, применяемые для прогнозирования.

Все эти вопросы крайне запутаны в пресловутом эссе Фридмена по методологии позитивной экономической науки. В этой работе он доказывает два совершенно различных тезиса. С одной стороны, утверждается, что экономисты вовсе не должны беспокоиться по поводу "нереалистичности" предпосылок своих теорий. С другой стороны, утверждается, что неоклассическая микроэкономическая теория или, как говорит Фридмен, "гипотеза о максимизации результата", была многократно подвергнута испытаниям и с честью выдержала их, причем эти впечатляющие достижения он объясняет, выдвигая новую теорию конкуренции. Конкуренция, по Фридмену, представляет собой борьбу за существование, результат которой в точности совпадает с тем, который имел бы место, если бы все фирмы максимизировали прибыль, а все потребители – полезность. Это, повторяю, не бихевиористская интерпретация традиционной теории, а скорее новая теория. Фридмен преподносит два этих тезиса, как если бы один являлся логическим следствием другого, хотя на самом деле они едва ли согласуются между собой.

Рассмотрим сперва тезис о Несущественности Реалистических Предпосылок. Как отмечали многие комментаторы, Фридмен использу-

ет понятие "нереалистичности" предпосылок в трех разных значениях и переходит на разных стадиях своей аргументации от одного значения к другому, не уведомляя об этом читателя. Иногда имеется в виду, что используемые в экономической теории предпосылки "нереалистичны", т.к. они абстрактны, идеализируют поведение экономических субъектов и упрощают относящиеся к исследуемой проблеме "фоновые" переменные. Разумеется, легко показать, что всякая теория, не воспроизводящая реальность в малейших деталях, прибегает к сильным абстракциям, идеализациям и упрощениям. Если "добротные" теории объясняют многое немногими словами, они неизбежно должны быть неточны в описаниях или нереалистичны в предпосылках – только и всего.

Предпосылки экономической науки могут быть нереалистичны и в другом смысле: они могут приписывать экономическим субъектам мотивы поведения, которые с нашей собственной точки зрения кажутся непостижимыми. Если мы придерживаемся доктрины *Verstehen*, мы отвергнем все теории, опирающиеся на нереалистичные в этом смысле предпосылки. Фридмен, однако, совершенно не признает доктрину *Verstehen*, а потому не видит никакой проблемы в существовании теории, которая требует от экономических субъектов обработки информации и оценки возможных результатов поведения со скоростью вычислительной машины. Дарвиновская конкурентная борьба за существование гарантирует, что мы увидим только победителей конкурентного соперничества, которые действительно максимизируют прибыль. Единственный же вопрос, который имеет значение для теории, заключается в том, насколько точно она предсказывает этот исход.

Но существует еще и третий аспект "нереалистичности" теоретических предпосылок, который, скорее всего, и имело в виду большинство критиков Фридмена. Он относится к тем случаям, когда эти предположения кажутся ложными или неправдоподобными в свете непосредственно наблюдаемого экономического поведения. К примеру, некоторые фирмы бывают привержены неизменным правилам установления цен на свою продукцию вне зависимости от экономических обстоятельств, свидетельствуя тем самым, что они не следуют стратегии максимизации прибыли. Фридмен искусно защищается от таких возражений, признавая, что в приведенном выше примере мы, вероятно, некорректно используем гипотезу о максимизации прибыли за пределами области ее действия. Иначе говоря, Фридмен прекрасно отдает себе отчет в том, что одна из функций, которую должны выполнять предпосылки теорий, состоит в определении круга явлений, к которым мы намерены данную теорию применять. Таким образом, каждый раз, когда мы подвергаем проверке содержание теории, мы в действительности задаем вопрос, "реалистичны" ли ее предпосылки в смысле точного определения обстоятельств, для которых она имеет силу. Как только мы отказываемся от упоминания о сфере применимости теории, мы делаем ее недоступной проверке, т.к. любое опровержение может быть парировано указанием на неправильное ее применение.

Прояснив важную с методологической точки зрения роль предпосылок в проверке теорий, Фридмен немедленно отступает с только что завоеванных позиций, допуская, к примеру, что теория совершенной

конкуренции применима ко всем фирмам при всех обстоятельствах, даже если они действуют в отрасли с высокой степенью концентрации. Нет никакого противоречия, утверждает он, в том чтобы рассматривать одну и ту же фирму как функционирующую на рынке с совершенной конкуренцией или как абсолютного монополиста в зависимости от того, какую проблему мы решаем и что именно мы хотим спрогнозировать. В конечном итоге, следовательно, Фридмен неизменно возвращается к радикально-инструменталистскому истолкованию экономической теории, согласно которому прогнозы и только прогнозы составляют суть дела.

Супостатом для Фридмена является тот, кто настаивает на непосредственной верификации предпосылок в качестве решающего критерия обоснованности теории до проверки верности построенных с ее помощью прогнозов или независимо от такой проверки. Но выдвигали ли кто-нибудь столь крамольные идеи? Аргументы критиков Фридмена состоят в том, что: 1) точность прогнозов не является единственным критерием обоснованности теории, а если бы это было не так, то было бы невозможно отличить истинные взаимосвязи между переменными от случайных; 2) получить достоверные сведения, касающиеся предпосылок, связанных с мотивацией или фактическим поведением экономических субъектов, вряд ли сложнее, чем собрать регулярно используемые для проверки прогнозов данные о результатах функционирования рынка; 3) попытки проверить предпосылки теории могут улучшить наше понимание предмета и тем самым помочь в интерпретации результатов проверки прогнозов; 4) если в экономической науке действительно нет ничего, на что мы могли бы опереться, кроме оценки прогнозов, составленных на базе явно противоречащих реальности допущений, то мы должны требовать, чтобы наши теории подвергались крайне суровым проверкам.

Для лучшего осмысления только что сказанного давайте остановимся на вопросе, в чем заключается "проверка" предпосылок о мотивации. Можно согласиться с тем, что попытка расспросить бизнесменов, стремятся ли они максимизировать прибыль, уравнивают ли они предельный доход с предельными издержками, или дисконтируют ли они поток доходов от инвестиционного проекта по ставке процента на капитал неизбежно приведет к получению двусмысленных ответов, попытка интерпретировать которые неизбежно породит те же самые вопросы. Но возможны и другие вопросы, кроме "какая информация действительно используется при принятии стратегических решений относительно объема инвестиций и уровня выпуска" или "как подобные решения принимаются в условиях конфликта между администраторами различных подразделений". Традиционная теория рассматривает фирму как "черный ящик", не касаясь внутреннего механизма принятия решений. Исследование, стремящееся пролить свет на содержимое этого "черного ящика", вероятно, должно облегчить проверку прогнозов, основанных на традиционной теории фирмы? В любом случае, без такого исследования оценить точность вытекающих из теории прогнозов почти столь же трудно, как и проверить ее предпосылки.

Как только мы согласимся, что вполне правомерно задавать бизнесменам вопросы о том, что они делают и почему; как только мы согласим-

ся далее, что из ответов на эти вопросы мы можем узнать нечто существенное, тогда мы будем готовы рассмотреть теорию, рассматривающую конкуренцию как процесс дарвиновского естественного отбора, – но не раньше. Как я заметил ранее, это не похоже на вливание старого вина в новые бурдюки, ибо вино это скорее новое. Делая основной упор на дарвинистской интерпретации результатов конкурентной борьбы, Фридмен фактически отрекается от "методологического индивидуализма", воплощенного в неоклассическом подходе к экономическим вопросам: он считает, что вместо построения доступных проверке прогнозов, касающихся *всего* рынка, но основанных на предположении о рациональном поведении *отдельных* индивидов, микроэкономические прогнозы следует формулировать исходя из существования иного причинного механизма, а именно динамического процесса естественного отбора, который награждает тех бизнесменов, которые по каким бы то ни было причинам действуют "как будто" они осознанно стремятся максимизировать прибыль, и наказывает банкротством тех, кто поступает по-другому.

Упоминание о *динамическом* характере естественного отбора сразу же раскрывает изъян аргументации: традиционная микроэкономика в большей своей части, если не полностью, представляет собой теорию сравнительной статики, где фактор времени не учитывается; как таковая, микротеория хорошо применима для анализа конечного равновесного состояния, но бессильна объяснить процесс, в ходе которого это равновесие устанавливается. Чтобы согласиться с утверждением Фридмена, мы должны иметь возможность предсказывать поведение экономических субъектов в ситуациях неравновесия, т.е. мы должны дополнить существующую теорию фирмы отсутствующей на данный момент теорией возникновения и исчезновения фирм в экономической среде. Предположим, что имеет место эффект возрастающей отдачи от масштабов производства или любое другое технологическое преимущество в издержках; если фирма, не придерживающаяся максимизирующей стратегии, получает (к примеру, благодаря более раннему вступлению в отрасль) стартовое преимущество, эффект возрастающей отдачи позволяет ей в каждый конкретный момент времени расти быстрее по сравнению с максимизирующей прибылью фирмой. В итоге окажется, что в конкурентной борьбе за существование победила "ущербная" фирма, не следующая стратегии максимизации прибыли. Даже простая дифференциация продуктов и связанная с ней реклама могут привести к сходному результату. Конечно, мы можем сформулировать набор предпосылок – постоянная отдача от масштабов производства, идентичные продукты, совершенный рынок капиталов, реинвестирование всей прибыли и так далее, – при которых действует дарвинистская теория конкуренции, но такая процедура вновь вернет нас к вопросу о "реалистичности" предпосылок. В двух словах, проблема с дарвинистской теорией конкуренции аналогична проблеме истолкования понятия "выживание наиболее приспособленного" в теории эволюции Дарвина: для выживания необходимо прежде всего превосходить соперников в степени приспособленности к окружающей среде, и мы не можем заключить, что естественный отбор ведет к выживанию "совершенных" видов, так же как мы не можем заключить, что процесс

конкурентного отбора в экономике ведет к выживанию фирм, максимизирующих прибыль.

Исчерпал ли я список возможных методологических позиций в экономической теории? Некоторые, возможно, ответят на этот вопрос отрицательно. В работах американских институционалистов можно встретить способ объяснения, который не схож с конвенционализмом, операционализмом, инструментализмом, дескриптивизмом или фальсификационизмом: его иногда называют "системным моделированием", т.к. с его помощью делаются попытки объяснить события или действия, определяя их место в системе взаимосвязей, которая, как утверждается, характеризует экономическую систему как таковую. Существует мнение, что сторонники "системного моделирования" отвергают любые формы "атомизма" и не признают абстрагирования от любой части целостной системы; их рабочие гипотезы сравнительно конкретны и близки к описываемой системе. Если они и прибегают к обобщениям, они делают это путем разработки типологий; в их объяснениях уделяется особое внимание "пониманию", а не "предсказаниям", а сами объяснения рассматриваются ими как вклад в достижение понимания проблем, если новые данные согласуются со сформулированными моделями.

Я не сомневаюсь, что приведенное выше описание более или менее точно характеризует методологию некоторых институционалистов, таких как Торстен Веблен, Кларенс Эйрс и, может быть, Гуннар Мюрдаль. Однако трудно найти что-либо похожее на "системное моделирование" в трудах Джона Р. Коммонса, Уэсли Клера Митчелла и Джона Кеннета Гэлбрейта, которых многие считают ведущими представителями институционалистского направления. Ясно, что все эти ученые во многом единокоренны: все они избегают концепций равновесия, рационального поведения, моментального приспособления и совершенной информации и все они благосклонны к идее группового поведения под влиянием обычаев и привычек, предпочитая рассматривать экономическую систему не как машину, а скорее как биологический организм. Но это вовсе не означает, что все они используют одну и ту же методологию, т.е. один и тот же метод обоснования своих утверждений. Вероятно, можно говорить о существовании институционалистской школы, но у нее совершенно очевидно нет никакой специфической методологии, которая недоступна ортодоксальным экономистам.

Гораздо лучше описывает методологию институционалистов термин Бенджамина Уорда "рассказывание историй", который, по его словам, применим также в значительной мере к ортодоксальной экономической теории, особенно к прикладной ее части. Этот подход использует метод "связывания фактов" (colligation), как его называют историки: из фактов, первичных обобщений, абстрактных теорий и ценностных суждений составляется связное описание, скрепленное комплексом неявно выраженных убеждений и симпатий, общих для автора и его читателей. В умелых руках такие описания могут быть очень убедительными, хотя по их прочтении бывает крайне трудно объяснить, на чем эта убедительность основана.

Как можно подтвердить обоснованность подобных описаний? Разумеется, можно задать вопросы, правильно ли установлены факты; не

пропущены ли какие-либо из них; существуют ли примеры, опровергающие первичные обобщения; можно ли составить другое описание, отражающее те же факты. В общем, процесс идентичен тому, который мы регулярно применяем для обоснования гипотетико-дедуктивных объяснений традиционной экономической теории. Вместе с тем в этих описаниях отсутствует строгость изложения и ясная логическая структура, поэтому их очень легко обосновать и фактически невозможно подвергнуть процедуре фальсификации. Их убедительность связана именно с тем, что абсолютно нереально доказать их несостоятельность.

Возможно, экономические проблемы настолько сложны, что "рассказывание историй" – это лучшее, что мы можем делать. Но даже если это так, то кажется странным, почему мы должны пропагандировать эту безопасную методологию и считать предосудительным применение более рискованной методологии фальсификационизма. Несомненно, чем больше фальсификационизма, тем лучше.

ЛИТЕРАТУРА

- Поппер К.** Логика и рост научного знания. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.
- Роббинс Л.** Предмет экономической науки // THESIS, 1993, т.2, вып.1, с.10–23.
- Слуцкий Е.Е.** К теории сбалансированного бюджета потребителя. В: Альб.А.Вайнштейн (ред.). Народнохозяйственные модели. Теоретические вопросы потребления. М.: АН СССР, 1963 [1915].
- Фридмен М.** Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994, т.2, вып.1.
- Hollis M. and Nell E.** Rational Economic Man. A Philosophical Critique of Neo-Classical Economics. London: Cambridge University Press, 1975.
- Hutchison T.** Significance and Basic Postulates of Economic Theory. London: Macmillan, 1938.
- Lipsey R.** An Introduction to Positive Economics. 4th ed. London: Weidenfeld & Nicolson, 1975 [1963].
- Machlup F.** Methodology of Economics and Other Social Sciences. New York: Academic Press, 1978.
- Mises L.** Human Action: A Treatise on Economics. 3rd ed. Chicago: Regnery, 1966 [1949].
- Papandreu A.** Economics as a Science. Chicago: Lippencott, 1958.
- Robbins L.** Essay on the Nature and Significance of Economic Science. London: Macmillan, 1932.
- Robbins L.** Autobiography of an Economist. London: Macmillan, 1971.
- Samuelson P.** Foundations of Economic Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1948.
- Ward B.** What's Wrong with Economics? London, Basingstoke: Macmillan, 1972.